

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Клад Кучума

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Клад Кучума

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7887282

Аннотация

«Жаркий июньский день. Воздух накален до того, что дрожит и переливается, как вода, а даль чуть брезжит, повитая синеватой дымкой. И такая чудная степная даль... Да, это настоящая киргизская степь, степь без конца-края, степь еще не тронутая дыханием цивилизации. Я любил по целым часам лежать в этой душистой, могучей степной траве, точно окропленной яркими красками степных цветов, – лежать и мечтать, как лежит и мечтает настоящий номад. Что ни говорите, а в каждом русском человеке, как мне кажется, живет именно такой номад, а отсюда неопределенная тоска по какой-то воле, каком-то неведомом просторе, шири и вообще по чем-то необъятном. Впрочем, я предавался этим мечтам, так сказать, по обязанности, потому что пил кумыс и должен был известное число часов жариться на степном солнце. Предаваться абсолютному покою – своего рода искусство, которое усваивается только постепенно...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Клад Кучума

Из степных встреч

I

Жаркий июньский день. Воздух накален до того, что дрожит и переливается, как вода, а даль чуть брезжит, повитая синеватой дымкой. И такая чудная степная даль... Да, это настоящая киргизская степь, степь без конца-края, степь еще не тронутая дыханием цивилизации. Я любил по целым часам лежать в этой душистой, могучей степной траве, точно окропленной яркими красками степных цветов, – лежать и мечтать, как лежит и мечтает настоящий номад. Что ни говорите, а в каждом русском человеке, как мне кажется, живет именно такой номад, а отсюда неопределенная тоска по какой-то воле, каком-то неведомом просторе, шири и вообще по чем-то необъятном. Впрочем, я предавался этим мечтам, так сказать, по обязанности, потому что пил кумыс и должен был известное число часов жариться на степном солнце. Предаваться абсолютному покою – своего рода искусство, которое усваивается только постепенно. Лежишь в траве целые часы и ни о чем определенном не думаешь, а так, мысли в голове плывут, как редкие высокие облачка по летнему небу. Например, отчего в самом деле не сделаться на-

стоящим степняком, как мой хозяин по кумысу киргиз Чибуртай? Ведь он счастлив, и так немного нужно для этого счастья... А как он спит спокойно, какой у него здоровый вид. И ничем не мучится, как не мучится ничем его родная степь, кроме избытка сил. Собственная издерганность на этом степном фоне выступает с какой-то особенной рельефностью, – если бы тряпица могла чувствовать, она, вероятно, чувствовала бы нечто подобное, попав на фабрику или в магазин новых материй, еще не утративших первородной крепости, красок и блеска. Да, я чувствовал себя именно такой тряпицей, когда лежал в степи, представлявшейся мне гигантской зеленой лабораторией, в которой еще недавно готовилась история. Но коренной степняк давно сбит с позиции, и его степь занята другими насельниками. Остался от досельных времен страшный кровавый мираж... Виноват, остался еще кумыс (по-степному: «кумыз»), этот изумительнейший из всех напитков, какие только были когда-нибудь изобретены человечеством. Да, единственный напиток, в котором точно сконцентрировалась степная зеленая сила. Вымиравшие цивилизации оставляли на память счастливым преемникам непременно какое-нибудь зло, как проказа, холера, табак, опиум, и как мы оставим преемникам наше проклятие в форме нервности; а замиренная степь подарила нам целебнейший напиток, которому равного и не будет. И т. д., и т. д.

Привожу свои мысли в порядке их полной беспорядоч-

ности и тех свободных комбинаций, которые в виде особенной роскоши может позволить себе отдыхающий человек. Да, еще одно маленькое замечание – только в степи почувствуешь себя центром мира... Куда ни взглянешь – во все стороны степь расходится от вас по радиусам, как в геометрии. Это совершенно особенное ощущение, которое испытывается только на море и, вероятно, будет испытываться в воздухе, когда наука разрешит наконец вечную проблему движения по воздуху и наши счастливые потомки понесутся птицами по поднебесью. Как мне кажется, в этом сознании собственной центральности таится причина того, что философская обобщающая мысль зародилась именно в степи и у островитян как естественная реакция человеческого духа на господствующее зрительное впечатление.

Итак, я лежал на траве и после мыслей о превратных судьбах человечества занялся наблюдением обступившего меня степного ковыля. Как лесные папоротники, так и ковыль положительно имеет в себе что-то мистически-таинственное и поэтически-сказочное, начиная с того, что он совершенно не походит на другие степные растения и, как папоротник, придает степи немного грустный колорит. Мои наблюдения над ковылем были неожиданно прерваны заразительным собачьим лаем. Я поднялся и увидел в двух шагах от себя низенького старика без шапки и в белой холщовой расейской рубахе.

– Цыц ты, Поселенка! – окрикнул старик рвавшуюся ко

мне собаку. – Еще как раз напугаешь барина...

Старик подошел ко мне и проговорил с какой-то особенной простотой, точно мы вчера только расстались:

– Спичку бы мне, барин...

Как на грех у меня именно спичек и не было с собой, потому что, отправляясь на кумыс, я бросил курить.

– Нет, дедушка, у меня спички...

– Ах ты грех какой... А мы вон там станом стали, надо огонечка разложить, а спички-то и нет. Вот, поди ж ты, какая притча...

По костюму, поговору, а особенно по слову «барин», я сразу определил коренного расейского мужика, – барина Сибирь начинает узнавать только с проведением железных дорог, а до этого решающего момента были или купец, или его благородие как два полюса правящего класса. Ни барина, ни лаптей Сибирь не знала.

– Как же быть-то? – проговорили мы в один голос.

– Да, видно, надо будет дойти, барин, вон туда, где шатры стоят...

Шагах в ста от нас виднелись три коша Чибуртая (кош – круглая войлочная палатка), точно какие-то степные богатыри потеряли свои войлочные шапки.

– Постой, дедушка, пойдем вместе, а то тебя разорвут собаки...

– Меня-то не тронут, а вот собачку могут изувечить... Так, дорогой пристала. Ну, мы ее и называли Поселенкой, по-

тому как сами поселенцы... Мы, значит, рязанские будем.

– А куда вы едете?

– Куда мы-то? Мы-то, значит, на Амур пробираемся...

– На Амур?

– Видно так, барин... А далеко еще осталось?

– Далеконько, дедушка! Тысяч пять верст...

– Ведь вот поди ж ты! – изумился старик. – Третий месяц из Рязанской губернии едем, а все пять тыщ...

Пока мы шли, старик говорил все время, причем я узнал всю биографию его семьи до последнего горя включительно. Дорогой прихворнули двое ребятишек у старшей снохи, житами сильно скудались, ну, а потом и померли. Ревет большуха-то, а того не понимает, что отбились от своей партии. Другие-то вперед ушли, пожалуй, и не догонишь.

– Славные ребятки были, – жалел старик. – Известно, ребячье дело: много ли надо. Точно цыплята свернулись... Конечно, кабы дома, так отлежались бы, а тут, в дороге, стало быть... Сильно ревет большуха, вот как убивается. Всех засмутянила, хоть назад поворачивай... Два сына у меня женатых, ну, у меньшого еще трои ребята мал мала меньше.

Мне очень понравился этот разговорчивый старик. В нем была какая-то особенная детская простота. И лицо такое славное, какое бывает только у коренного русского пахаря. Ни одного торопливого движения, ничего лишнего. Я люблю вот именно такие простые крестьянские лица, в которых точно отпечаталась вся наша русская история. Он побрях-

тывал на ходу, шмыгал ногами, обутыми в расейские лапти, и встряхивал головой. Поселенка почуяла врага и принялась угрожающе ворчать. Киргизские собаки-волкодавы бросились к нам навстречу громадными прыжками, но узнали меня и ограничились обнюхиванием Поселенки. Перед кошем Чибуртая курился огонек. Сам Чибуртай сидел около на корточках и внимательно следил, как мой кучер Егор Иванович, пробойный городской мещанин, промышлявший около хороших господ, жарил баранину прямо на угольях по какому-то мудреному исправничьему рецепту. В Сибири есть и яичница «исправница».

– Мир на стану... – проговорил мой старик.

Чибуртай, высокий, скуластый и узкоглазый киргиз, одетый в летний бешмет из черного ластика, издали очень походил на попа. Он мельком взглянул на старика поселенца и отвернулся, как отвертываются от недостойных внимания предметов. Чибуртай был богат благодаря каким-то мудреным комбинациям с краденым золотом и крадеными лошадьми и держал себя с большим гонором.

– Огонька бы... – повторил старик. – Мы, значит, тут лошадку остановились покормить, а огонька-то и нет.

– На... – предложил ему Егор Иванович целую коробку сырюнок, зорко оглядывая гостя. – Дальние будете, старичок?

– А мы рязанские, значит.

Егор Иванович отличался большой любознательностью и кроме того по натуре был фантазер и мечтатель. Его город-

ская голова постоянно была набита тысячью самых несбыточных думушек, а главное, его вечно тянуло в ту неведомую даль, где протекли сытовые реки с кисельными берегами. Услыхав, что старик рязанец переселяется на Амур, Егор Иваныч весь встрепенулся.

– А ведь ты правильно, дедушка... В самую точку угадал. Падали и до нас слухи об этом самом Амуре. Я сам туда подумывал махнуть, да вот все как-то собраться не могу... Да и то сказать, какие мы есть люди, то есть городские: так, ни к чему. Вот я в извозчиках ездил, потом соленой рыбой да листовым табаком торговал, гармонию могу починить или подметку наладить, а все это наплевать... А настоящий крестьянин совсем другое: он на своей земле сидит. Одобряю, дедушка... Правильно.

– Уж как бог донесет, мил человек. Ох, далеко еще ехать-то...

– Ах ты какой, дедка... Ну, далеко, это точно, а все-таки куда-нибудь да приедешь, и бояться тебе нечего, потому как нет на свете правильнее человека, как крестьянин. Остальное-то все пустяки...

Старик топтался на одном месте и все присматривал степную даль, защитив от солнца глаза ладонью. Он покачивал головой и что-то шептал про себя.

– Ты это что, дедка, ворожишь-то?

– А вот смотрю... дудка вон сухая везде по полю, значит, место-то и не пахано и не кошено. Не видывали мы еще та-

ких-то местов... Неужто так травка пропадом и пропадает?

– Скотиной только травят, дедка. Здесь казачья земля, ну так казаки гурты жировать пушают. Кому тут косить, когда за десятину аренды всего тридцать копеек.

– Как тридцать? – переспросил старик, не веря собственным ушам. – Господи, помилуй...

– А такое, значит, положенье... Казачишки ленивые, ну и сдают землю. Любую выбирай... У вас-то там в Расее кошку за хвост негде повернуть, а мы еще слава богу.

Этот земельный разговор заставил старика забыть и об огоньке, и об ожидавшей его на стану семье. Он весь превратился в одно внимание, как охотник, почуявший дорогую и редкую дичь. Чибуртай молчал и только изредка взгляды-вал на старика с каким-то скрытым озлоблением. Когда к огоньку подошел с уздой в руках кривоногий казак Бельков, картина получилась вполне законченная. Чибуртай изображал собой замиренную орду, Бельков – отдохавшего завоевателя, Егор Иваныч – посадского вольного человека, а старик поселенец – ту силу, которая реализует несметные богатства сибирских равнин, степей, гор и пустынь. Комбинация выходила самая характерная. Бельков присел к огоньку по-татарски на корточки, закурил коротенькую трубочку и равнодушно слушал разглагольствовавшего Егора Иваныча, начавшего в конце концов обличать беспросыпную казачью лень.

– Дай-ка вот ему вашу-то землю! – кричал он, указывая

на поселенца. – Да ведь тут золото лопатой будут огребать, а вы чуть сами с голоду недохнете. Вон у дедушки и рубашка домашнего холста, и штаны из домашней пестрядины, и лапотки своего домашнего ковырянья – вот его и не возьмешь ни с которого боку. Ничего не боишься, дедка?

– А чего бояться-то?

– Вот, вот... Всего-то имущества – один крест, а он всю немшоную Сибирь наскрозь пройдет, потому как есть вполне правильный человек. Мы-то все ничего не стоим супротив него...

– Отстань, смола! – равнодушно отвечал Бельков, не имевший ни малейшего желания вступать в словесное ратоборство.

И Егор Иваныч и Бельков были типичны по-своему. У первого лицо было нервное, подвижное, и вся фигура как-то встрепанная, точно он только что проснулся и еще не успел прийти в себя, а Бельков уже в достаточной мере пропитался степной ленью и всему на свете предпочитал *far niente*¹. Ему даже говорить было тяжело. К старику переселенцу он отнесся с скрытым пренебрежением привилегированного человека. Казаки вообще считают мужика существом низшего порядка, а тут еще какая-то голь расейская. Поселенец постоял, посмотрел на степную аристократию, покачал головой, окинув еще раз хозяйским глазом некошеную степь, и проговорил!

¹ безделье (итал.).

– Ужо я пойду... Спасибо за спички-то.

Чибуртай и Бельков не удостоили его даже кивком головы, а Егор Иваныч поднялся, он не мог утерпеть, чтобы не посмотреть своими глазами, как расейские едут на Амур, Его пожирал огонь вечного любопытства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.